

ШКОЛЬНАЯ ПРОГРАММА

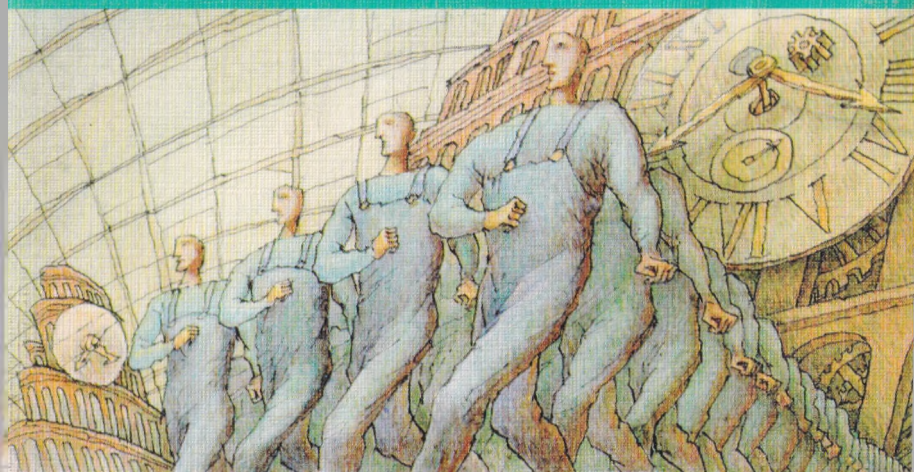
8
3-269

*Анализ текста
Основное содержание
Сочинения*

Е.И. ЗАМЯТИН

98

МЫ

Дрофа

ШКОЛЬНАЯ ПРОГРАММА

Е. И. ЗАМЯТИН

МЫ

*Анализ текста
Основное содержание
Сочинения*

6-е издание, стереотипное

ДРОФА

МОСКВА • 2005

8

TAYSWANDI

УДК 821.161.1.05
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
З-269

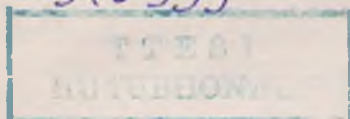
Серия «Школьная программа» основана в 1997 году

Авторы-составители:

М. Г. Павловец, Т. В. Павловец

Обложка *И. Г. Сальниковой*
Художник *А. Г. Антонов*

540339

Е. И. Замятин. Мы. Анализ текста. Основное содержание. Сочинения / Авт.-сост. М. Г. Павловец, Т. В. Павловец. — 6-е изд., стереотип. — М. : Дрофа, 2005. — 92, [4] с. — (Школьная программа).

ISBN 5-7107-9234-9

УДК 821.161.1.05
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 5-7107-9234-9

© ООО «Дрофа», 1997

Предисловие

Серия «Школьная программа» состоит из книг небольшого объема. Каждая из них посвящена отдельному писателю, творчество которого изучается в старших классах общеобразовательных школ. Книги эти могут быть использованы как на уроках при прохождении отдельных тем, так и для повторения пройденного материала, при подготовке к семинарам, зачетам, читательским конференциям. Они будут полезны и во время подготовки к школьным выпускным и вступительным экзаменам в высшие учебные заведения.

Каждая книга условно делится на три блока. В первом помещен краткий пересказ крупного произведения, которое входит в школьную программу по литературному образованию. Это вовсе не значит, что оно не должно быть прочитано в полном объеме. Такая работа предполагается до изучения творчества того или иного писателя. Однако краткий вариант позволит восстановить в памяти содержание произведения, имена основных героев, проследить развитие сюжетных линий. Знание и понимание текста помогут закрепить вопросы и задания. Они, естественно, ориентированы на само произведение, а не на его пересказ. В книгах, посвященных творчеству поэтов, содержится подборка стихотворений, которые наиболее полно отражают их художественный мир, характерны для их творчества.

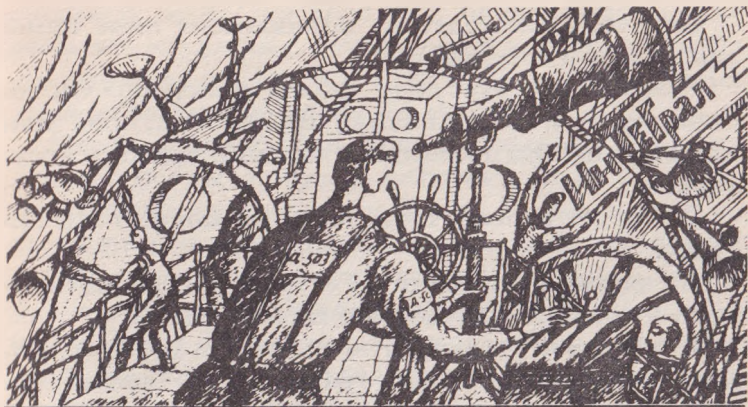
Во второй блок входят материалы, знакомящие с основными вехами жизни и творчества писателя, историей создания произведения, его литературно-художественными достоинствами, отзывами критиков о нем. Включение в книгу высказываний, содержащих порой полярные точки зрения, поможет ученикам лучше разобраться в литературной ситуации той или иной эпохи, аргументировать свою точку зрения во время литературных диспутов в классе, при ответе учителю.

Кроме того, четко сформулированные, точные оценки критиков можно процитировать в сочинении либо использовать в качестве эпиграфа к нему.

Подготовиться к аналитической работе на уроке, научиться грамотно пользоваться литературоведческими понятиями помогут материалы, содержащие анализ текста или системы образов изучаемого произведения, разбор художественных особенностей, присущих тому или иному писателю, поэту, драматургу.

И наконец, последний — третий блок. Он включает в себя все, что необходимо для выполнения итоговой работы над определенной темой. А это чаще всего — сочинение. Чтобы облегчить ученику подготовку к этому ответственному этапу в образовательном процессе, в книгах серии «Школьная программа» представлены темы сочинений, многие из которых, кстати, предлагались либо на выпускных экзаменах в школе, либо на вступительных в вузах, развернутые планы, составление которых сопряжено, как правило, с определенными трудностями, и образцы самих сочинений.

В конце книг приводится список рекомендуемой литературы. Он снабжен краткими аннотациями.

МЫ

Запись 1-ая.

Конспект:

Объявление. Мудрейшая из линий. Поэма

Я просто списываю — слово в слово — то, что сегодня напечатано в Государственной Газете:

«Через 120 дней заканчивается постройка ИНТЕГРАЛА. Близок великий, исторический час, когда первый ИНТЕГРАЛ взовьется в мировое пространство. Тысячу лет тому назад ваши героические предки покорили власти Единого Государства весь земной шар. Вам предстоит еще более славный подвиг: стеклянным, электрическим, огнедышащим ИНТЕГРАЛОМ проинтегрировать бесконечное уравнение вселенной. Вам предстоит благодетельному игу разума подчинить неведомые существа, обитающие на иных планетах, — быть может, еще в диком состоянии свободы. Если они не поймут, что мы несем им математически-безошибочное счастье, — наш долг заставить их быть счастливыми. Но прежде оружия — мы испытываем слово.

От имени Благодетеля объявляется всем нумерам Единого Государства:

Всякий, кто чувствует себя в силах, обязан составлять трактаты, поэмы, манифесты, оды или иные сочинения о красоте и величии Единого Государства.

Это будет первый груз, который понесет ИНТЕГРАЛ.

Да здравствует Единое Государство, да здравствуют нумера, да здравствует Благодетель!»

Я пишу это — и чувствую: у меня горят щеки. Да: проинтегрировать грандиозное вселенское уравнение. Да: разогнуть дикую кривую, выпрямить ее по касательной — асимптоте — по прямой. Потому что линия Единого Государства — это прямая. Великая, божественная, точная, мудрая прямая — мудрейшая из линий...

Я, Д-503, строитель Интеграла, — я только один из математиков Единого Государства. Мое, привычное к цифрам, перо не в силах создать музыки ассонансов и рифм. Я лишь попытаюсь записать то, что думаю — точнее, что мы думаем (именно так: мы, и пусть это «МЫ» будет заглавием моих записей). Но ведь это будет производная от нашей жизни, от математически совершенной жизни Единого Государства, а если так, то разве это не будет само по себе, помимо моей воли, поэмой? Будет — верю и знаю.

Я пишу это и чувствую: у меня горят щеки. Вероятно, это похоже на то, что испытывает женщина, когда впервые услышит в себе пульс нового — еще крошечного, слепого человечка. Это я и одновременно — не я. И долгие месяцы надо будет питать его своим соком, своей кровью, а потом — с болью оторвать его от себя и положить к ногам Единого Государства.

Но я готов, так же, как каждый, — или почти каждый из нас. Я готов.

Так начинается рукопись человека будущего, вернее, нумера, потому что в том далеком и сча-

стливым мире постарались окончательно стереть все ненужные, отягчающие человеческую душу границы, а имя, как известно, первое, что отличает одного индивида от другого.

После страшной и разрушительной Двухсотлетней Войны в живых осталось лишь две десятых процента населения Земли. И вот, чтобы сохранить остатки цивилизации, люди отгораживаются от дикого мира Зеленой Стеной и принимают план Благодетеля, обеспечивающий им все необходимое для жизни: нефтяную пищу (после ее введения граждан осталось намного меньше, зато выжившие уже не знали страха Голода и потому были значительно счастливее своих предков), кров (стеклянные, насквозь прозрачные дома), работу во благо Единого Государства.

Благодетель, однажды сумевший спасти человечество от неминуемого вымирания, становится теперь единственным и несменным вождем Единого Государства. Отдавая дань еще окончательно неотжившему прошлому, в этом краю всеобщего счастья происходят ежегодные «выборы» правителя, однако, подчиняясь логике формулы счастья, выведенной все тем же Благодетелем (самым великим из всех нумеров), свобода выбора граждан сводится к нулю (ибо свобода — главный враг беззаботно счастливого человека). Поэтому великий ежегодный праздник называется Днем Единогласия и сравнивается Д-503 с древней Пасхой, так как, по логике идеологов тоталитарного режима, нумерам Единого Государства, наконец, дарован Рай земной, подобие христианского Эдема, где некогда был счастлив человек и из которого был изгнан. Учтя «ошибки» предков, новые правители даровали человечеству

Здесь и далее курсивом выделен текст пересказа романа Е. И. Замятина. — Ред.

счастье, окончательно лишив при этом свободы, приведя человека к общему знаменателю, устроив все на строго математических законах, совместимых для граждан страны будущего с законами рационалистически разумными, а значит — единственно верными.

За Зеленой Стеной остались неухоженные леса, неравномерно распределенное солнце, пригоняющий тучи ветер (бессмысленный в своей неприбранной, математически не рассчитанной силе), дикие звери и птицы — весь неправильно-непрозрачный таинственный мир. В государстве полного порядка такая непрозрачность недопустима. Здесь — под большим стеклянным куполом — царит благодетельно-равномерное солнце (лучи которого не слепят и не жгут), в стеклянных прозрачных комнатах и домах живут не менее прозрачные нумера — им нечего скрывать от Единого Государства, они — только винтики большой, верно рассчитанной системы, слаженно работающей веками, они — строители, писатели, воспитатели, врачи, математики, живущие ради Единого Государства.

Все ухожено, математически разложено, представлено по местам в этом лучшем из миров — и жизнь, и поэзия, и музыка.

Запись 4-ая.

Конспект:

Дикарь с барометром. Эпилепсия. Если бы

До сих пор мне в жизни было ясно (недаром же у меня, кажется, некоторое пристрастие к этому самому «ясно»). А сегодня... Не понимаю...

Первое: я действительно получил наряд быть именно в аудитории 112, как она мне и говорила.

Хотя вероятность была —

$$\frac{1500}{10\,000\,000} = \frac{3}{20\,000}$$

(1500 — это число аудиториумов, 10 000 000 — нумеров). А второе... Впрочем, лучше по порядку.

Аудиториум. Огромный, навзось просолнеченный полушар из стеклянных массивов. Циркулярные ряды благородно шарообразных, гладко остриженных голов. С легким замиранием сердца я огляделся кругом. Думаю, я искал: не блеснет ли где над голубыми волнами юниф розовый серп — милые губы О. Вот чьи-то необычайно белые и острые зубы, похожие... нет, не то. Нынче вечером, в 21, О придет ко мне — желание увидеть ее здесь было совершенно естественно.

Вот — звонок. Мы встали, спели Гимн Единого Государства — и на эстраде сверкающий золотым громкоговорителем и остроумием фонолатор.

«Уважаемые нумера! Недавно археологи откапали одну книгу 20-го века. В ней иронический автор рассказывает о дикаре и о барометре. Дикарь заметил: всякий раз, как барометр останавливался на «дожде», — действительно шел дождь. И так как дикарю захотелось дождя, то он повыковырял ровно столько ртути, чтобы уровень стал на «дождь» (на экране — дикарь в перьях, выколупывающий ртуть: смех). Вы смеетесь: но не кажется ли вам, что смеха гораздо более достоин европеец той эпохи. Так же, как и дикарь, европеец хотел «дождя», — дождя с прописной буквы, дождя алгебраического. Но он стоял перед барометром мокрой курицей. У дикаря, по крайней мере, было больше смелости и энергии и — пусть дикой — логики: он сумел установить, что есть связь между следствием и причиной. Выковыряв ртуть, он сумел сделать первый шаг на том великом пути, по которому...»

Тут (повторяю: я пишу, ничего не утаивая) — тут я на некоторое время стал как бы непромокаемым для живительных потоков, лившихся из гром-

коговорителей. Мне вдруг показалось, что я пришел сюда напрасно (почему «напрасно» и как я мог не прийти, раз был дан наряд?); мне показалось — все пустое, одна скорлупа. И я с трудом включил внимание только тогда, когда фонолентор перешел уже к основной теме: к нашей музыке, к математической композиции (математик — причина, музыка — следствие), к описанию недавно изобретенного музыкометра.

— «...Просто вращая вот эту ручку, любой из вас производит до трех сонат в час. А с каким трудом давалось это вашим предкам. Они могли творить, только доведя себя до припадков «вдохновения» — неизвестная форма эпилепсии. И вот вам забавнейшая иллюстрация того, что у них получалось, — музыка Скрябина — 20-й век. Этот черный ящик (на эстраде раздвинули занавес и там их древнейший инструмент) — этот ящик они называли «рояльным» или «королевским», что лишний раз доказывает, насколько вся их музыка...»

И дальше — я опять не помню, очень возможно, потому что... Ну, да, скажу прямо: потому что к «рояльному» ящику подошла она — I-330. Вероятно, я был просто поражен этим ее неожиданным появлением на эстраде.

Она была в фантастическом костюме древней эпохи: плотно облегающее черное платье, остро подчеркнуто белое открытых плечей и груди, и эта теплая, колыхающаяся от дыхания тень между... и ослепительные, почти злые зубы...

Улыбка — укус, сюда — вниз. Села, заиграла. Дикое, судорожное, пестрое, как вся тогдашняя их жизнь, — ни тени разумной механичности. И, конечно, они, кругом меня, правы: все смеются. Только немногие... но почему же и я — я?

Да, эпилепсия — душевная болезнь — боль... Медленная, сладкая боль — укус — и чтобы еще глубже, еще больнее. И вот, медленно — солнце. Не наше, не это голубовато-хрустальное и равномерное

сквозь стеклянные кирпичи — нет: дикое, несущееся, опаляющее солнце — долой все с себя — все в мелкие клочья.

Сидевший рядом со мной покосился влево — на меня — и хихикнул. Почему-то очень отчетливо запомнилось: я увидел — на губах у него выскочил микроскопический слюнный пузырек и лопнул. Этот пузырек отрезвил меня. Я — снова я.

Как и все — я слышал только нелепую, суетливую трескотню струн. Я смеялся. Стало легко и просто. Талантливый фонолектор слишком живо изобразил нам эту дику эпоху — вот и все.

С каким наслаждением я слушал затем нашу теперешнюю музыку. (Она продемонстрирована была в конце — для контраста.) Хрустальные хроматические ступени сходящихся и расходящихся бесконечных рядов — и суммирующие аккорды формул Тэйлора, Маклорена; целотонные, квадратно-грузные ходы Пифагоровых штанов; грустные мелодии затухающе-колебательного движения; переменяющиеся фраунгоферовыми линиями пауз яркие такты — спектральный анализ планет... Какое величие! Какая незыблемая закономерность! И как жалка своевольная, ничем — кроме диких фантазий — не ограниченная музыка древних.

Как обычно, стройными рядами, по четыре через широкие двери все выходили из аудитории. Мимо мелькнула знакомая двоякоизогнутая фигура; я почтительно поклонился.

Через час должна прийти милая О. Я чувствовал себя приятно и полезно взволнованным. Дома — скорее в контору, сунул дежурному свой розовый билет и получил удостоверение на право штор. Это право у нас — только для сексуальных дней. А так среди своих прозрачных, как бы сотканных из сверкающего воздуха, стен — мы живем всегда на виду, вечно омываемые светом. Нам нечего скрывать друг от друга. К тому же это облегчает тяжкий и высокий труд Хранителей. Иначе мало ли бы что

могло быть. Возможно, что именно странные, не прозрачные обиталища древних породили эту их жалкую клеточную психологию. «Мой (sic!) дом — моя крепость» — ведь нужно же было додуматься!

В 21 я опустил шторы — и в ту же минуту вошли немного запыхавшаяся О. Протянула мне свой розовый ротик — и розовый билетик. Я оторвал талон — и не мог оторваться от розового рта до самого последнего момента — 22.15.

Потом показал ей свои «записи» и говорил — кажется, очень хорошо — о красоте квадрата, куба, прямой. Она так очаровательно-розово слушала — и вдруг из синих глаз слеза, другая, третья, — прямо на раскрытую страницу (стр. 7-я). Чернила расплылись. Ну вот, придется переписывать.

— Милый Дэ, если бы только вы — если бы...

Ну что «если бы»? Что «если бы»? Опять ее старая песня: ребенок. Или, может быть, что-нибудь новое — относительно... относительно той? Хотя уж тут как будто... Нет, это было бы слишком нелепо.

Так перед нами начинает раскрываться эта удивительно правильная, разумная жизнь. На стало время пояснить некоторые ее азы, о которых также говорится в «поэме» Д-503 (но несколько вразброс — слишком уж для него это все очевидно!):

Часовая Скрижаль — «сердце и пульс» Единого Государства, распорядок дня этого сложного механизма: «Каждое утро, с шестиколесной точностью, в один и тот же час и в одну и ту же минуту, — мы, миллионы, встаем, как один. В один и тот же час, единомиллионно, начинаем работу — единомиллионно кончаем. И, сливаясь в единое, миллионнорукое тело, в одну и ту же, назначенную Скрижалью, секунду, — мы подносим ложки ко рту...» (Запись 3-я);

Личные Часы — время, отведенное Скрижалью нумерам на себя лично, когда единый общий организм распадается на отдельные клетки (два

раза в день — с 16 до 17 и с 21 до 22): одни гуляют по улице (точными колоннами), другие занимаются в своих прозрачных комнатах за прозрачными столами (читают, пишут во славу Единого Государства и Благодетеля), третьи — целомудренно опускают шторы...

Розовый билет — величайшее достижение Единого Государства (это произошло уже спустя 300 лет после Двухсотлетней Войны). Победив Голод (владыку мира) созданием своей нефтяной нищи, оставшиеся победили и другого властителя — Любовь: «всякий из номеров имеет право — как на сексуальный продукт — на любой номер» (Запись 5-я). После тщательного исследования в Сексуальном Бюро каждому номеру выписывают соответствующий Табель сексуальных дней, затем остается только сделать заявление на желаемый номер и получить талонную книжку (розовую) — по ней и будут выдаваться те самые шторы (исключение из правил прозрачного мира, только подтверждающее эти правила).

Запись 8-ая.

Конспект:

Иррациональный корень. R-13. Треугольник

Это — как давно, в школьные годы, когда со мной случился $\sqrt{-1}$. Так ясно, вырезанно, помню: светлый шарозал, сотни мальчишеских круглых голов — и Пляпа, наш математик. Мы прозвали его Пляпой: он был уже изрядно подержанный, разболтанный, и когда дежурный вставлял в него сзади штенсель, то из громкоговорителя всегда сначала: «Пля-пля-пля-тишиш», а потом уже урок. Однажды Пляпа рассказал об иррациональных числах — и, помню, я плакал, бил кулаками об стол и вопил: «Не хочу $\sqrt{-1}$! Выньте из меня $\sqrt{-1}$!» Этот иррацио-

нальный корень врос в меня, как что-то чужое, иное, страшное, он пожирал меня — его нельзя было осмыслить, обезвредить, потому что он был вне ratio.

И вот теперь снова $\sqrt{-1}$. Я пересмотрел свои записи — и мне ясно: я хитрил сам с собой, я лгал себе — только чтобы не увидеть $\sqrt{-1}$. Это все пустяки — что болен и прочее: я мог пойти туда; неделю назад — я знаю, пошел бы, не задумываясь. Почему же теперь... Почему?

Вот и сегодня. Ровно в 16.10 — я стоял перед сверкающей стеклянной стеной. Надо мной — золотое, солнечное, чистое сияние букв на вывеске Бюро. В глубине сквозь стекла длинная очередь голубоватых юниф. Как лампы в древней церкви — теплятся лица: они пришли, чтобы совершить подвиг, они пришли, чтобы предать на алтарь Единого Государства своих любимых, друзей — себя. А я — я рвался к ним, с ними. И не могу: ноги глубоко впаяны в стеклянные плиты — я стоял, смотрел ту-по, не в силах двинуться с места...

— Эй, математик, замечтался!

Я вздрогнул. На меня — черные, лакированные смехом глаза, толстые, негрские губы. Поэт R-13, старый приятель — и с ним розовая О.

Я обернулся сердито (думаю, если бы они не мешали, я бы, в конце концов, с мясом вырвал из себя $\sqrt{-1}$, я бы вошел в Бюро).

— Не замечтался, а уж если угодно — залюбовался, — довольно резко сказал я.

— Ну да, ну да! Вам бы, милейший, не математиком быть, а поэтом, поэтом, да! Ей-ей, переходите к нам — в Поэты, а? Ну, хотите — мигом устрою, а?

R-13 говорит захлебываясь, слова из него так и хлещут, из толстых губ — брызги; каждое «п» — фонтан, «поэты» — фонтан.

— Я служу и буду служить знанию, — нахмурился я: шуток я не люблю и не понимаю, а у R-13 есть дурная привычка шутить.

— Ну что там: знание! Знание ваше это самое — трусость. Да уж чего там: верно. Просто вы хотите стенкой обгородить бесконечное, а за стенку-то и боитесь заглянуть. Да! Выгляните — и глаза зазмурите. Да!

— Стены — это основа всякого человеческого... — начал я.

Р — брызнул фонтаном, О — розово, кругло смеялась. Я махнул рукой: смейтесь, все равно. Мне было не до этого. Мне надо было чем-нибудь дышать, заглушить этот проклятый $\sqrt{-1}$.

— Знаете что, — предложил я, — пойдете, посидим у меня, порешаем задачки (вспомнился вчерашний тихий час — может быть, такой будет и сегодня).

Она взглянула на Р; ясно, кругло взглянула на меня, щеки чуть-чуть окрасились нежным, волнующим цветом наших талонов.

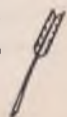
— Но сегодня я... У меня сегодня — талон к нему, — кивнула на Р, — а вечером он занят... Так что...

Мокрые, лакированные губы добродушно шлепнули:

— Ну чего там: нам с нею и полчаса хватит. Так ведь, О? До задачек ваших — я не охотник, а просто — пойдём ко мне, посидим.

Мне было жутко остаться с самим собой — или, вернее, с этим новым, чужим мне, у кого только будто по странной случайности был мой номер Д-503. И я пошел к нему: к Р. Правда, он не точен, не ритмичен, у него какая-то вывороченная, смешливая логика, но все же мы — приятели. Недаром же три года назад мы с ним вместе выбрали эту милую, розовую О. Это сблизило нас как-то еще крепче, чем школьные годы.

Дальше — в комнате Р. Как будто — все точно такое, что и у меня: Скрижаль, стекло кресел, стол, шкафа, кровати. Но чуть только вошел Р — двинул одно кресло, другое — плоскости сместились, все вышло из установленного габарита, стало

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

Мы. Избранные страницы	5
------------------------------	---

Краткая хроника жизни и творчества	
Е. И. Замятина	42
Из «Автобиографии» Е. И. Замятина	44
История публикации романа «Мы»	50
Антиутопия	51
Анализ текста	58
Критика о романе Е. И. Замятина «Мы»	63
Вопросы и задания	69

Темы сочинений по творчеству Е. И. Замятина	71
Развернутые планы сочинений	
«Самое страшное в утопиях то, что они сбываются...» (Н. Бердяев)	71
Женские образы романа «Мы»	75
Сочинения	
Своеобразие конфликта в романе Е. Замятина «Мы»	81
Образы Великого Инквизитора (Ф. М. Достоевский. «Братья Карамазовы») и Благодетеля (Е. И. Замятин. «Мы»)	85
Краткая библиография	91
Советуем прочитать	93